

“ОДНОРАЗОВАЯ ПОСУДА” И ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

В октябре этого года состоялась встреча нашего премьера В. Путина с известными изготовителями коммерческого чтива Д. Дашковой, Т. Устиновой, А. Марининой, С. Лукьяненко, С. Минаевым, М. Веллером и другими борзописцами, и среди них (как пишет В. Бондаренко в статье “Палёная” литература”, которую мы предлагаем читателям) “затесался один серьёзный писатель Захар Прилепин”.

Однако существование такого рода литературы — дело обычное, начавшееся в России ещё в пушкинскую эпоху, когда рыночные нравы буржуазной демократической Европы, хлынувшие в русскую журнальную и книжную жизнь и неизвестная России доселе агрессия массовой культуры ошеломили Пушкина. Ну как ему с его вкусом было не возмутиться, когда отечественный книжный рынок разом переполнился сочинениями о знатных европейских шлохах, о палачах, о шпионах, авантюристах и провокаторах и прочих “героях” нового времени!

Ещё за два века до нынешнего господства пошлейших телесериалов, кровавых детективов, мелодраматических женских романов, высосанных из пальца “фэнтези” и прочего “мыла” великий поэт почувствовал смрадный запах растления, исходивший из этой помойки, и бросил в лицо европейской бевосовщине и отечественной черни (которая, как нынешний “пипл”, “хавала” зарубежное варевое) свою пушкинскую перчатку: “Явилась толпа людей тёмных с позорными своими сказаниями, но мы не остановились на бесстыдных записках Генриетты Вильсон, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовские признания полицейского шпиона и на пояснения оных клеймёного каторжника. Журналы наполнились выписками из Видока. Поэт Гюго не постыдился в нём искать вдохновений для романа, исполненного огня и грязи. Недоставало палача в числе новейших литераторов. Наконец и он явился, и к стыду нашему скажем, что успех его “Записок”, кажется, несомнителен” (“О записках палача Самсона”.)

На этом позорном фоне публичная судьба многих великих произведений русской литературы и первого русского литературного журнала “Современник” поначалу казалась плачевной.

В 1836 году вышло четыре тома “Современника”. Два первых тиражом 2400 экземпляров, из которых разошлось не более трети, а тираж четвёртого по причине малого спроса снизился почти втрое. После гибели Пушкина журнал стал постепенно чахнуть, и когда он перешёл к Некрасову, у “Современника” оставалось всего лишь 233 подписчика.

А между тем журнал был любимым детищем Пушкина. Во многих письмах последнего года жизни — жене, друзьям, издателям — поэт с волнением и восторгом рассказывал о каждом из номеров, расхваливал авторов, ругался с книготорговцами и недругами-журналистами. Его шедевры — “Скупой рыцарь”, “Родословная моего героя”, “Капитанская дочка”, “Медный всадник”, “Путешествие в Арзрум” — печатаются в “Современнике”. Рядом с повестями Гоголя, стихотворениями Тютчева, Жуковского, Боратынского, Кольцова, Лермонтова, Дениса Давыдова. Какие имена! Казалось бы, нарасхват должен идти журнал!

Но всё было тщетно. Грамотная светская чернь уже была увлечена бульварным чтивом Булгарина, крикливыми антипушкинскими статьями Греча и Полевого, трескучими стихами Бенедиктова, ходульной прозой Марлинского и, конечно же, коммерческими романами французских сочинителей, о которых поэт в 1834 году написал с беспощадной язвительностью: “*Легкомысленная невежественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толкаться по передним вельмож, они в их стремлении к низости (! — Ст. К.) обратились к народу, лаская его любимые мнения или фиглярствуя независимостью и странностями (! — Ст. К.), но с одной целью: выманить себе репутацию или деньги! В них нет и не было бескорыстной любви к искусству и к изящному. Жалкий народ!*”

Сказано не в бровь, а в глаз о сочинителях такого типа всех времён и народов, в том числе и тех, с которыми недавно встречался В. Путин...

После отмены крепостного права последовал новый всплеск книжной бульварщины, приведший в отчаянье взявшего в свои руки пушкинский “Современник” Некрасова, вскоре возмечтавшего о “желанном времечке”, “когда народ не Блюхера и не милорда глупого — Белинского и Гоголя с базара понесёт”.

В эпоху Александра Освободителя и его сына Александра III с известностью Достоевского и Чехова успешно конкурировали бульварные сочинители Крестовский, Шеллер-Михайловский, Буренин, Потапенко, Измайлов и прочие. Их было много. Имя им легион. Но где они сейчас?

Следующее поколение массовых потребителей чтива питалось отнюдь не прозой Бунина, а романами Арцибашева, Василия Немировича-Данченко и Лидии Чарской.

А сколько всякой литературной дряни и подённости вышло после оживления буржуазных нравов в короткое десятилетие нэпа!

Так что целый век со времён Пушкина до тридцатых годов XX века Россия в потреблении “чтива” усиленно догоняла Запад. Чтиво это, если переосмыслить Вл. Маяковского, “пресволочнейшая штуковина — существует и ни в зуб ногой”... А сегодня оно стало не литературой, а шоу-бизнесом, опирающимся на мощь всех российских радио- и телеканалов, на неограниченные возможности киноиндустрии, на громадные спонсорские средства.

И, однако, во всей этой печальной картине была одна обнадеживающая черта. Невозможно было себе представить, чтобы император Николай I пригласил бы к себе для разговора о роли писателя в России не Пушкина, а Булгарина. А ведь кроме той исторической встречи, после которой самодержец сказал, что “встречался с умнейшим мужем России”, Николай I оставил весьма глубокие суждения о романе Лермонтова “Герой нашего времени”. (о популярнейшем Бестужеве-Марлинском не произнёс ни слова). И сочинения Гоголя прозвучели большое впечатление на царя, его семью и его ближайшее окружение. Вспомним также, что ко двору в ту эпоху были приближены не Греч с Кукольниковом, а Карамзин и Жуковский. А в предреформенную и послереформенную эпоху вкусы двора и придворной элиты во многом формировали Тютчев, А. К. Толстой и даже Фёдор Михайлович Достоевский со Львом Николаевичем Толстым. Эти традиции взаимоотношений великой русской литературы с властью воскресли в XX веке в сталинское время, когда вождь озаботился не знакомствами с бульварной продукцией какого-нибудь Пантелеймона Романова, Мариэтты Шагинян или Николая Шпанова, а судьбами и творчеством Горького, Шолохова, Булгакова, Пастернака, Маяковского... Какие бы тиражи, гонорары и временные успехи ни были в России у всяческих булгариных, бальмонтов и веллеров, всё равно в конечном счёте русскую мысль, русскую историю, русскую жизнь развивали и двигали в будущее не сочинения духовных импотентов, а Пушкин и Гоголь, Тютчев и Достоевский, Есенин и Шолохов, Николай Рубцов и Валентин Распутин.

Жаль, что во время встречи с изготовителями фальшивой литературы В. Путин не вспомнил эту российскую особенность взаимоотношений людей искусства с людьми власти. Правда, спасаясь от их наглого напора и требования денег для поддержки издательств, выпускающих “фальшаки”, он, руководствуясь правильным инстинктом, вспомнил о судьбе “коммерческого” романа Александра Дюма “Три мушкетёра”. Сказать бы ещё ему, что это сверхпопулярное произведение стало любимым чтением юношества всех вре-

мён и народов, что оно не умирает вот уже два века, что персонажи романа Дюма стали именами нарицательными, что оно написано с блистательным талантом в отличие от подделок, которые, как бабочки-подёнки, погибают на другой день после своего рождения, и “пилл”, который “хавает”, тут же забывает названия бесконечной вереницы романов какой-нибудь Устиновой или Донцовой и тем более никогда уже не вспомнит имена персонажей “палёной литературы”.

Нет, в советскую эпоху литература, которую тоже можно было бы назвать “коммерческой” и “сверхтиражной”, всё-таки была куда более значительной, если вспомнить “Двенадцать стульев” и “Золотого телёнка”, романы Валентина Пикуля или даже Юлиана Семёнова с Иваном Швецовым.

Нам хочется добавить к размышлениям В. Бондаренко, что просьба писателей-миллионеров не помогать им, а помогать издательствам, которые выплачивают им же баснословные гонорары, похожа на просьбу олигархов, которые во время кризиса попросили наших властителей не помогать лично им, мы, мол, с голоду не погрём, а помогать всего лишь навсего банкам, которые их финансируют...

Впрочем, отрадно заметить, что вкус популярного критика развивается. Он уже публично разочаровался в своём кумире 90-х годов “патриоте” А. Невзорове. Возможно, что в скором времени разочаруется и в “патриоте” Лимонове, ныне заключившим в политические объятия двух мерзейших персонажей ельцинской эпохи — Немцова и Касьянова (“Мишку два процента”).

Когда-то В. Бондаренко написал пронциательную статью “Порча” — о нравственной деградации Виктора Астафьева. “Порча” — это вирусное заболевание, от которого писатели не застрахованы. Возможно, что в недалёком будущем В. Бондаренко разочаруется и в творчестве Бродского. И — страшно подумать — в творчестве Солженицына, которого в недавнее время он называл “великим человеком”, “пророком”, “планетарным писателем”. Ведь посмертное наследие писателей со временем тоже подвергается “порче”.

А вообще-то вложение государственных средств в издание творческого наследия Пушкина, Есенина, Шолохова, Рубцова подобно вложению в фундаментальную науку, затраты на которую порой окупаются лишь в исторически длительные, а не сиюминутные сроки и рано или поздно формируют самосознание нации.

Ст. Куняев

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

ПАЛЁНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сначала я просто хотел отмахнуться от этой встречи: встретились коммерческие авторы в рамках книгоиздательского съезда с премьер-министром, ну и ладно. Миллионные гонорары королей бульварного рынка? Они к литературе никакого отношения не имеют. Затесался в толпу бульварных авторов один серьёзный писатель Захар Прилепин, но и тот свои острые вопросы задавал не на литературные темы.

Думаю, в список королей книжного рынка Захар Прилепин попал не случайно. Его тиражи сейчас и на самом деле близки к тиражам Лукьяненко или Минаева. Вполне допускаю, тот, кто отбирал участников встречи, учитывал **прежде всего** тиражи печатаемых книг автора. И тогда талант как бы и не при чем. Приглашены тиражные, рыночные писатели: Захар Прилепин, Сергей Минаев, Михаил Веллер, Сергей Лукьяненко, Дарья Донцова, Татьяна Устинова, Александра Маринина, Павел Санаев... Не понимаю, что там делал архимандрит Тихон. Ни слов осуждения, ни слов восторга от него не прозвучало.

Размах встречи и её резонанс оказался такой, что отмахнуться уже нельзя, да и оставить без внимания эту операцию подмены реальной литературы – литературой палёной невозможно. То внимание, которое было придано встрече всеми средствами массовой информации, мгновенное переименование всех её участников в “ведущих писателей России”, на меня произвело самое шоковое впечатление. Верх и низ перевернули. Черное стало белым. Бахтинский карнавал.

Одно дело, если бы на встрече присутствовали тот же Захар Прилепин и Дмитрий Быков, Владимир Маканин и Владимир Личутин, Марина Струкова и Юрий Поляков, Александр Проханов и Анатолий Ким, Глеб Горбовский и Александр Кушнер, писатели самых разных взглядов и направлений, определяющие состояние всей современной русской литературы. Тогда можно было бы говорить о повороте в культурной политике страны, о каком-то начинающемся духовном подъеме государства.

Но когда писателями всея Руси нам нагло называют пошляков и борзописцев, успешных авторов фэнтези и уличных карманных детективов, типа Устиновой или Минаева, меня от такой подмены начинает тошнить. Уже на следующий день Татьяна Устинова и Дарья Донцова не слезают с экрана. Вот они – наши “Белинские и Гоголи”, вот кого несут сегодня с базара прямо в приемную Владимира Путина.

Я смотрю, как не спеша, под себя, под собственный вкус подстраивает наш будущий президент критерии русской литературы. Вначале рядом с ним присутствовали Валентин Распутин, Даниил Гранин, Юрий Поляков. Потом начинают где-то мелькать та же Татьяна Устинова и Михаил Веллер. И вот, наконец, наш лидер показал ту литературу, которая ему близка. На которую он и будет равняться. Дарья Донцова тут же упрекнула премьер-министра, что он на съезде книгоиздателей высказался о “легком чтиве”. “За нами миллионы читателей”, – сказала Донцова, уточнив, что тиражи каждого из этих авторов ежемесячно составляют 1,2 млн экземпляров.

“Если как прозвучало, приношу свои извинения”, – сказал Путин. И добавил: “Александра Дюма тоже считали автором, который производит “легкое чтение”, и говорили, что его завтра забудут. Но мы все читаем, я сам зачитывался этой книжкой (“Три мушкетера”. – **Ред.**) до безумия”, – добавил премьер.

Вообще-то миллионы читателей есть и у любой порнухи, у дешевых комиксов, миллионы зрителей есть и у педофильских роликов; как, Владимир Владимирович, – будем на них равняться? Более чем сомнительные аргументы. Пушкину было далеко до тиражей Булгарина. Тиражи Жарова и Безыменского превышали тиражи всех гениев Серебряного века, Рубцову было далеко до тиражей Андрея Дементьева.

Далее осознанную линию на отказ писателей от любой государственной поддержки продолжил, пожалуй, самый легковесный и пошловатый автор Сергей Минаев. Он уже как бы и от имени всего государства, и от всех писателей заявил о прекращении любой государственной поддержки литературы. Зачем нам убыточные Мандельштамы и Леониды Леоновы? **“Ребята, вы напишите такие книги, чтобы они были проданы тиражом не менее 200 тыс. И вам не нужны будут ни премьер-министры, ни Союз писателей, потому что завтра, Владимир Владимирович (если мы сейчас в этом русле будем говорить) хитроумные чиновники протащат через кучу посредников на Ваш стол нацпроект “Малая земля-2” с грантом в 1 млн долларов... Мы хотим жить в России, и поэтому, как только начинаются заказы на патриотизм, я просто... Мой роман “Духлесс” был продан тиражом в 700 тыс. копий в первый год, у Захара тоже был очень большой тираж. На самом деле у писателя с властью взаимоотношения никакого быть не может, не надо писателя кормить: мы это проходили уже, надо защищать наших издателей, которые дают нам зарабатывать”.**

Вот это уже, мне кажется, начинается тотальное уничтожение всей русской литературы как таковой. Везде, во все времена, во всем мире, все ПЕН-центры, все объединения писателей существовали с царских времен для того, чтобы поддерживать писателя. Увы, настоящая литература часто бывает убыточна. Убыточны и левые, и правые, убыточен и Иосиф Бродский, и Юрий Кузнецов, и Юрий Домбровский, и Варлам Шаламов. И мне кажется, что эта встреча Путина с писателями состоялась именно в таком формате, чтобы можно было убедительно потом сказать: сами писатели отказываются от помощи государства. Литературе не нужна государственная поддержка.

В поддержку Сергея Минаева сразу же выступила еще одна бульварная королева, Дарья Донцова: “Минаев абсолютно правильно сказал. Нас не надо кормить, мы сами себя прокормим”.

Сергей Минаев: “Абсолютно правильно, нас прокормят наши издатели”. Дарья Донцова: **“Вы помогите нашим издателям, вот это действительно абсолютную правду он сказал. А Союз писателей, простите, пожалуйста, был создан Горьким специально по заказу Сталина, чтобы управлять этими писателями”**.

Какая же литература нужна нашему премьер-министру? Исключительно рыночная, никаких тебе Достоевских и Гоголей, никаких Распутиных и Бородиных.

Как-то в былые времена наши фантасты и детективщики, наши беллетристы при всех своих миллионных тиражах знали своё место, не подменяли собой всю литературу.

Путин даже ужесточил требование Минаева и Донцовой. Дарья Донцова посоветовала ему хоть раз сфотографироваться на фоне книжного магазина с книжкой в руках:

“Я Вас ни разу не видела на открытии книжного магазина, никогда. Я просто не видела. Я специально просмотрела интернет. Я нашла одно маленькое интервью, где Вы говорили, что любите Тургенева и Хемингуэя, если не ошибаюсь, и всё. Вы были на Московской книжной ярмарке один раз. Мне кажется, что если наше высшее чиновничество возьмет с Вас пример, а они возьмут с Вас пример (хотя бы из подхалимства), и возьмут в руки, так и быть, книгу... Нельзя заставить читать, но если читает начальство, может быть, будут читать книги. Причём неважно, чтобы это были обязательно советские, русские писатели, читайте любую книгу, возьмите в руки любую книгу и читайте”.

Я понимаю, что Донцова хотела бы увидеть Путина прежде всего с её книжкой в руках. Но в целом я с этим предложением Донцовой более чем согласен. В советские времена в докладах Брежнева или Хрущева были цитаты из русских классиков. И так по команде шло до самого низа. Если бы Путин хоть раз процитировал Юрия Кузнецова или Рубцова, хоть бы раз показал на экране, какие книги он читает, мгновенно, вплоть до мелкого городка, чиновники начали бы цитировать стихи местных поэтов и заходить в книжные магазины. Меня абсолютно убил ответ Владимира Путина. Думаю, он сам не понимает, до какой пошлости он докатился. Вот его ответ: “Уверяю вас, те, кто производит молоко, просят меня почаще появляться со стаканом молока. Те, кто производит мясо, хотят, чтобы чаще видели, как я ем отечественное мясо, и так далее. Вы зря смеетесь, честное слово, так и говорят об этом, так и просят...”

Для него что великая поэзия, что кусок колбасы – одно и то же. Литературу наш лидер приравнял к мясомолочным продуктам, чего еще русским писателям от него ждать?

У Донцовой, Минаева, Устиновой и иже с ними и на самом деле миллионные тиражи. Бульварной литературе помощь не нужна. Рыночное искусство проживет и само.

У книжек про Гарри Поттера тиражи еще больше, но значит ли это, что в США, Франции или Германии не оказывают своей национальной литературе весомую поддержку? Оказывают, и еще какую. Наши же рыночные литераторов, получается, волнует только проблема полной свободы. Ах, как переживала за свою полную свободу Татьяна Устинова, чуть самого Путина в объятьях не раздавила, выдавливая из него эту желанную свободу.

Татьяна Устинова: “Я про свободу два слова хотела сказать, очень уж интересно. На самом деле 20 лет с небольшим, что существует новая Россия, новая российская литература была абсолютно свободной, то есть мы писали и пишем, собственнo говоря, абсолютно всё, что хотим, у нас нет никакой цензуры, ну, по крайней мере, у меня, я не знаю, как у остальных. Минаев (обращаясь к С. С. Минаеву), у тебя есть?” Сергей Минаев: “У меня никогда в жизни её не было”.

Дарья Донцова: “У меня тоже нет”. (Какие у нас, однако, свободные писатели завелись, только для чего им в их бульварной литературе нужна свобода? Разве что для полноты сексуальных сцен, больше никаких проблем в их книгах нет, ни социальных, ни политических. Вот бы когда Прилепину добавить пару слов про лимоновцев.) Татьяна Устинова: “Нас никто как-то не проверяет и не контролирует, вот эта страшная вся история цензурная как-то об-

ходит нас стороной... мы действительно все рефлекслирующие, мы действительно все сумасшедшие, и мы действительно такие все немножко с содранной кожей, какие бы мы ни были коммерчески успешные... Мне бы очень хотелось, чтобы так оставалось и дальше, и всегда, чтобы мы были свободны в том, что мы делаем. Это очень важно, это гораздо важнее, чем любые творческие союзы и возможность в них получить мандат МАССОЛИТа, понимаете? Это гораздо важнее, и я надеюсь, что как-то так оно и будет в этой стране..."

Интересно, почему у всех коммерческих дельцов не "наша страна", а "эта страна"? Само собой выскакивает. Меня поражает еще их общая наглость: кто им дал право говорить от имени всей русской литературы? Кучка коммерческих рыночных дельцов вдруг решает, у кого была свобода, у кого — нет. У кого большие тиражи и большие деньги, тот и писатель. Всё, что надо, они заработают. Когда подряд четвертый рыночник из них тоже заговорил о том, что они сами сколько надо зарабатывают, мне даже смешно стало. Неужели Путин не понимает, что это — не литература. И рыночный язык этот, о том, сколько каждый из них заработает, не для серьезного разговора о реальной литературе.

Смысл этой рыночной встречи с рыночными писателями и был лишь один: отказать отечественной русской литературе в любой поддержке. И на самом деле, прав Минаев. Если ты такой талантливый, что же не пишешь книжки, которые будут выходить тиражом 200 тысяч экземпляров? Тиражи у нашей бульварной литературы выше, чем у всей русской классики, вместе взятой. Марине Цветаевой бы сказать в эмиграции или Андрею Платонову: чего вы не пишете книжки под тираж 200 тысяч? Пусть и вешаются себе на здоровье. У нас ведь рынок, нам всё равно, колбаса ли дешевая, молоко из порошка или книжки Устиновой и Марининой. Нам в России, согласно заверениям Владимира Путина, больше ничего и не надо. Как говорил Артемий Троицкий, каждый решает сам: в тюрьме сидеть или в джакузи? Вот и писателям вместо высокой лирики и сложных романов надо писать примитивные бульварные сюжеты.

Вроде бы даже и попробовал Владимир Путин с ними заговорить о патриотизме (забыл, в какое общество писателей он попал), но его быстро укоротили. *"Что касается патриотизма, то... поддерживать какие-то направления работы — это, конечно, можно, но это очень сложная задача, потому что, действительно, к этому процессу сразу могут примазаться многочисленные люди из различного уровня аппаратов, которые всегда обоснуют, что нужно дать денег Иванову, Петрову, а не Сидорову. И это очень сложный процесс. Хотя можно было бы подумать на тему о том, чтобы организовать какой-то процесс поддержки через профессиональное творческое сообщество — так же, как по линии кинематографии мы сделали"*.

Роман Злотников: "Не надо! Такая будет банка с пауками. Ни в коем случае".

Реплика: Банка с писателями хуже, чем с пауками.

В. В. Путин: "Такая проблема существует".

Роман Злотников: "Сами заработаем, не волнуйтесь".

В. В. Путин: "Я и не волнуюсь, я просто отвечаю на то, что здесь прозвучало".

Как они все подряд хвастаются перед Путиным своими высокими заработками. Почему же наша достойная литература живет впроголодь? Злотников сам зарабатывает своими "Империями", Минаев пошлейшим "Духлессом", Устинова с Донцовой — примитивнейшими детективами. И какое им всем дело России, до патриотизма и даже до литературы?

И потому главный итог встречи — это не острый вопрос Захара Прилепина о каком-то нефтепродавце из окружения Путина, а подмена литературы псевдолитературой.

Уже и на экране мы читаем — ведущие русские писатели... Уже и книги их выставлены в первые ряды всех книжных магазинов. Палёная литература заняла первые ряды.

У нас долго боролись с паленой водкой, как всегда, недоборолись. Возникла проблема страшнее, никакого развития общества не будет, никакого развития идей не будет. Сначала у нас уничтожили живую реальную политику, теперь на этой печально знаменитой встрече решили уничтожить реальную русскую литературу, заменив её рыночным эрзацем. Нет теперь ни Проханова, ни Белова, есть псевдописатели Минаев, Веллер, Устинова, Донцова, Маринина и примкнувший к ним Захар Прилепин.

"Скучно на этом свете, господа!" — как сказал нерыночный писатель Николай Васильевич Гоголь...